ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ РОМАНОВ

кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук факультета международного образования, Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт» (Харьков, Украина)
pf-35@mail.ru

МАТРИЦА «ПОДПОЛЬЯ» В КОНЦЕПЦИИ ГЕРОЕВ ПОЗДНЕГО ДОСТОЕВСКОГО

Исследуются архетипические свойства образа человека из «подполья» в образной системе Достоевского: рассмотрены теория архетипов К. Г. Юнга, попытки построения типологии образов Достоевского в русском литературоведении, представлены модель «подпольного» сознания и поведения в главном герое повести Достоевского «Записки из подполья» и ее воплощение в героях «великого пятикнижия» писателя, проанализированы такие составляющие «подпольной» матрицы, как отрицание Божьего мира, человекобожеское мессианство, эстетическая самоказнь, стремление к «подпольному» покою. Сделаны выводы о влиянии архетипического образа человека из «подполья» на последующее творчество не только русских, но и зарубежных классиков.

Ключевые слова: архетип, К. Г. Юнг, модель, матрица, «подполье», «Записки из подполья», «великое пятикнижие»

В заметке «Для предисловия» («Подросток». Рукописные редакции) Достоевский написал замечательные слова, определяющие значимость феномена «подполья» в его художественном мире: «Я горжусь, что впервые вывел настоящего человека *русского большинства* и впервые разоблачил его уродливую и трагическую сторону. Трагизм состоит в сознании уродливости. <...> Только я один вывел трагизм подполья, состоящий в страдании, в самоказни, в сознании лучшего и в невозможности достичь его и, главное, в ярком убеждении этих несчастных, что и все таковы, а стало быть, не стоит и исправляться! <...> Подполье, подполье, *поэт подполья* – фельетонисты повторяли это как нечто унижительное для меня. Дурачки. Это моя слава, ибо тут правда!»¹.

Видные критики, философы, литературоведы XIX–XX веков высоко оценивали повесть «Записки из подполья»: «чрезвычайно ценным и многозначительным произведением» называл ее В. Розанов [12; 487]; «пролегоменами ко всему художественному творчеству Достоевского послекаторжного периода» – А. Долинин [6; 323]; по мнению Л. Гроссмана, «Записки из подполья» стали не только «непосредственным этюдом» к «Преступлению и наказанию», но и «прологом» к его «большим романам» [5; 304].

Цель нашего исследования – на материале произведений Достоевского представить отражение качеств человека из «подполья» (имеющих, по общему признанию, архетипическую природу) в образной системе писателя, обозначить влияние, оказанное «подпольным» героем, на творчество классиков мировой литературы.

Исследователи творчества писателя отмечают в его поэтике следующую особенность: Достоевский от произведения к произведению неизменно возвращался к одним и тем же характерам и как бы «пробовал» их с разных сторон, форми-

руя систему возвращающихся образов. Данный феномен ставил перед литературоведами вопрос о едином принципе соотношения героев у Достоевского, чрезвычайно важный для построения их типологии. В зависимости от этого принципа (а в качестве ведущего определялись – психологический, исторический, социальный, этический и другие) в его творчестве выделяли следующие типы: «кроткий», «ожесточенный» (Н. Добролюбов); «страстный», «смирный» (Ап. Григорьев); «двойник» (В. Переверзев); «мыслители», «мечтатели», «поруганные девушки», «подпольные» (Л. Гроссман); «мечтатели», «подпольные» (В. Одинок) [11; 4–5]; «стихийно нравственные», «стихийно безнравственные» – на стадии патриархальности и «теоретики – раздвоенные натуры», «теоретики-дельцы» – на стадии цивилизации (Г. Щенников) [14; 41]; «книгилисты-апокалиптики»: «соблазнитель от революции» и «те, кто революцией соблазнен» (Г. Зябрева) [9; 55] и др.

На наш взгляд, данные попытки построения типологии образов Достоевского свидетельствуют о возможности вычленения архетипических свойств в его героях. Термин «архетип» (от греческого *archetipos* – первообраз) восходит к античной философии (Филон Александрийский, Ириней, Дионисий Ареопагит и др.), в центре внимания которой стояла проблема первоначала. В «аналитической психологии» К. Г. Юнга, который впервые разработал теорию архетипов, они определяются как изначальные, врожденные психические структуры, образы (мотивы), составляющие содержание так называемого «коллективного бессознательного» и лежащие в основе общечеловеческой символики сновидений, мифов и других порождений фантазии, в том числе – художественной (см., например, такие работы Юнга, как «Понятие коллективно-бессознательного», «Психологические аспек-

ты архетипа матери» и др. [15]). Определяя понятие архетипа, Юнг неоднократно подчеркивал его надперсональную природу и исключительно формальный, а не содержательный характер. Архетипы – это не сами образы, а лишь схемы образов, их психологические предпосылки, их возможность. Содержательную характеристику первообраз мог получить лишь тогда, когда, актуализируясь в сознании, наполнялся материалом сознательного опыта. Так, выделяя архетип матери, Юнг отмечал, что данный архетип, подобно всякому другому, «имеет воистину невообразимое множество аспектов», и перечислял только некоторые типичные формы: «мать или бабушка конкретного человека, крестная мать или свекровь и теща», «кормилица и нянька», «в высшем, переносном смысле – богиня, особенно мать Бога», «в более широком смысле – церковь, университет, город, страна», «в более узком смысле – место рождения или происхождения – пашня, сады, утес, пещера, дерево» и проч. [15; 128–129]. Другие архетипы Юнга – Тень (репрезентация негативной стороны Эго или тех свойств личности, которые сознание предпочитает не замечать), Трикстер (Плут, Обманщик), Анима/Анимус (женское начало в мужчине и мужское – в женщине), Ребенок (нечто вырастающее в самостоятельность), Дух (репрезентируется как в образах мудрого старца, так и злого колдуна, и др.).

Как отмечает С. Аверинцев, хотя Юнг и «попытался наметить систематику архетипов», он все же «недостаточно последовательно раскрывал взаимозависимость мифологических образов как продуктов первобытного сознания и архетипов как элементов психических структур, понимая эту взаимозависимость то как аналогию, то как тождество, то как порождение одних другими» [1; 110–111]. Поэтому в позднейшей литературе данный термин используется «просто для обозначения наиболее общих, фундаментальных и общечеловеческих мифологических мотивов, изначальных схем представлений, лежащих в основе любых художественных, и в том числе мифологических, структур уже без обязательной связи с юнгианством как таковым» [1; 111].

В современном литературоведении отмечается важность архетипного подхода для понимания русской литературы как части мировой культуры и для литературоведческого исследования в целом. Так, была выдвинута гипотеза о «наличии особого *пасхального архетипа* и его особой значимости для русской культуры» и рассмотрено его «проявление» в романе «Преступление и наказание» [7; 357]; отмечается, что такие категории, как «*соборность*», «*закон*» и «*благодать*», хотя и «не новы в тезаурусе русской духовной мысли, но впервые стали категориями филологического анализа» [8; 5].

По нашему убеждению, архетипические качества человека из «подполья», составляющие «подпольный» мотив в повести «Записки из подполья» и отраженные в художественном мире Достоевского, выражены следующим образом:

– человека из «подполья» отличает трагическое восприятие жизни, обостренное внимание к негативным ее сторонам, что ставит его вне общества, обида на жизнь делает его ранимым аутсайдером, трагическим одиночкой;

– противостоит трагедии бытия в сознании «подпольного» героя «„прекрасное и высокое“» (5; 132), в духовное бегство к которому и устремляется герой повести. С высоты «„прекрасного и высокого“» «непосредственные люди и деятели» (5; 101) оказываются презренно низки; в человеке из «подполья» рождается стремление изменить их жизнь в соответствии с собственным эстетическим идеалом, подчиняя всех своей воле («подпольный» герой мнит себя «Наполеоном», «деспотом в душе») (5; 140);

– в жизни действительной человек из «подполья» осознает собственное несоответствие идеалу и потому предает себя жестокой самоказни, которая носит эстетический характер: в собственном унижении для героя заключается «сок <...> странного наслаждения» (5; 105) «от слишком яркого сознания своего унижения» (5; 102);

– подверженный страсти добровольного самоуничтожения, герой оказывается выброшенным из общества и испытывает нравственное отчуждение от Божьего мира; происходит глубинное неприятие и провозглашается проклятие его, что приводит к разложению всех человеческих качеств и постепенной гибели героя в духовной изоляции – «подполье» [13; 44–48].

Как предположил А. Бем, название повести Достоевского восходит к пушкинским строкам из «Скупого рыцаря»: «... может быть слова Альбера: “... пускай отца заставят меня держать, как сына, не как мышь, рожденную в подполье...” нашли свое неожиданное отражение в заглавии “Записок из подполья”» [2; 213].

Слово «подполье» употребляется в повести впервые в связи с неизбывным сравнением «подпольного» героя себя с «мышью» и противопоставлением своему «антитезу» – «непосредственному человеку и деятелю», не обладающему «усиленным сознанием» и опирающемуся на чувство «живой жизни»: «...если, например, взять антитезу нормального человека, то есть человека усиленно сознающего, вышедшего, конечно, не из лона природы, а из реторты <...> то этот ретортный человек до того иногда пасует перед своим антитезом, что сам себя <...> добросовестно считает за мышь, а не за человека. <...> Положим, например, она (мышь. – Ю. Р.) тоже обижена (а она почти всегда бывает обижена) и тоже желает отомстить. <...> Доходит наконец до самого дела, до самого акта отмщения. Не-

счастливая мышь кроме одной первоначальной гадости успела уж нагородить кругом себя, в виде вопросов и сомнений, столько других гадостей; к одному вопросу подвела столько неразрешенных вопросов, что поневоле кругом нее набирается какая-то роковая бурда <...> состоящая из ее сомнений, волнений и, наконец, из плевков, сыплющихся на нее от непосредственных деятелей <...> хохочущих над нею во всю здоровую глотку. Разумеется, ей остается махнуть на все своей лапкой <...> постыдно проскользнуть в свою щелочку. Там, в своем мерзком, вонючем подполье, наша обиженная, прибитая и осмеянная мышь немедленно погружается в холодную, ядовитую и, главное, вековечную злость» (5; 104). При этом «мышь» персонифицирует яркие «подпольные» черты: обиду на мир, злобу, мстительность, упоение сознанием собственного унижения. «Мышь» в художественном мире Достоевского возникает там, где речь идет о каком-либо антихристианском поступке. Так, одержимый «бестиальными наклонностями» Свидригайлов, накануне совершения самоубийства оказавшийся в «отдаленном номере» гостиницы, «душном и тесном», под лестницей в «углу», переживает «скверное» ощущение, когда во сне-забытьи у него за пазухой, под рубашкой «шоркает по телу» «мышь» (6; 390). Петр Верховенский – «политический честолюбец», щедро наделенный «хлестаковскими чертами» (12; 204), чье «уродство», по мнению Достоевского, не достойно «литературы» (29. 1; 141) – являет собой карикатурное отражение практики ставрогинского, оторвавшегося от Бога ума, совершил чудовищное святотатство – «пустил мышь» в икону Богородицы (10; 428).

Отправной точкой алгоритма «подпольной» мысли служит отрицание. Не принимая основ Божьего мироздания, поднимая бунт против него, «подпольное» сознание жаждет насильственного изменения мира и отводит себе при этом мессианскую роль. В «подпольных» мечтаниях о «прекрасном и высоком» герой «Записок...», словно представитель высшего разряда людей, идет «проповедовать новые идеи», буквально в роли Наполеона разбивает «ретроградов под Аустерлицем» (5; 133); «деспот в душе», он желает «неограниченно властвовать» (5; 140). С большой силой «подпольный» деспотизм выражен в образе Раскольникова, чью исходную ситуацию в романе часто называют «подпольной». Он вынашивает идею Наполеона, чтобы «взять во власть» презируемое им общество, властвовать над ним, не зная «никаких средств» (7; 155). То, как «подпольное» мессианство неизбежно приводит к сатанизму – высшей форме антихристианского состояния, гениально изображено Достоевским в романе «Бесы»: ведь «благо, несовместимое с бытием Бога и любовью к Нему», предпочитаемое Сатаной, – это «быть самому

Богом, быть выше Бога – вот притязание гордыни сатанинской» [10; 68], и многие герои романа по-своему одержимы этой гордыней.

Отводя для себя мессианскую роль, герой «Записок из подполья» в то же время ясно осознает свое несоответствие идеалу и подвергает себя самоказни, которая «обращалась» в «решительное, серьезное наслаждение» от «сознания своего унижения» (5; 102). «Подпольная» самоказнь – еще одна яркая черта архетипической модели «подпольного» сознания. Самоказни в художественном мире Достоевского предаются многие – Раскольников, Мармеладовы, Ганя Иволгин, Лебедев, Ипполит Терентьев, Аркадий Долгорукий. Природа самоказни с особой силой раскрыта в образе Настасьи Филипповны, чье «болезненное наслаждение от сознания своего позора» (14; 62) приводит к невозможности духовного возрождения. «Бесперывное» сознание своего позора, таящее «ужасное неестественное наслаждение, точно отмщение кому-то» (8; 362), делает невозможным для нее нравственное восхождение стезею Сони Мармеладовой. Испытывая духовную усталость от самоказни, от ношения масок ради того, чтобы скрыть свое истинное «я», герой «Записок...» впадает в крайнее духовное отчуждение – «подполье», обрекая себя на «нравственное растление в углу» (5; 178).

Мотив отрицания Божьего мира достигает наивысшего накала в характере самого сильного из выведенных Достоевским «отрицателей» – Ивана Карамазова. «Я не Бога не принимаю <...> я мира, им созданного, мира-то Божьего не принимаю и не могу согласиться принять», – настойчиво повторяет Иван в исповедальном разговоре с Алешей (14; 214). Проецируя «подпольную» матрицу на образ Ивана, нетрудно заметить совпадения, позволяющие говорить о выраженности в нем «подпольных» черт:

– как и «подпольного» героя, Ивана отличает критическое отношение к Божьему миру, основывающееся на обостренном внимании к проявлению морального уродства окружающих, о чем свидетельствует собранная им «коллекция» «некоторых фактиков»: о турках, со сладострастием мучивших и убивавших детей; о мужике, с остервенением бьющем клячку по плачущим «кротким глазам»; о том, как «образованный господин и его дама» секли «собственную дочку»; о «девчоночке маленькой, пятилетней», запертой «в холод, в мороз» возненавидевшими ее родителями «в подлом месте»; о мальчике, «всего восьми лет», затравленном стаей генеральских борзых на глазах у матери (14; 217–221);

– если «подпольный» человек противопоставляет уродливому миру свой морально-нравственный идеал «прекрасного и высокого» в образе «героя», над всеми торжествуя и всех прощая (5; 132–133), то Иван Карамазов прямо осуществляет притязание «гордыни сата-

нинской», обращаясь к Богу на равных, обвиняя Бога в страдании невинных детей, не принимает Божий мир;

– причиной самоказни Ивана, как и у человека из «подполья», выступает несоответствие героя своему идеалу (в частности, примером этому могут служить отношения Ивана со Смердяковым, напоминающие нравственные турниры «подпольного» героя со своим слугой Аполлоном). Заклучая в себе непомерное тщеславие, гордыню, человекобожество, Иван в то же время признает, что он – «клоп» – в состоянии мыслить только «земным», «эвклидовским» умом и что «правда <...> не от мира сего» ему «непонятна» (14; 222). В осознании этого – доходящая до наслаждения самоказнь и эстетизация ее. Иван понимает, что существующий порядок вещей, в его же собственной трактовке, лишь только «эвклидовская дичь» и жить по ней он не сможет «согласиться» (14; 222), точно так же, как не мог согласиться герой «Записок из подполья» с непрерывно обижавшими его «законами природы» – «каменной стеной» (5; 105). Потому-то в поэме «Великий инквизитор» Иван нравственно и приравнивает себя к инквизитору, который, оставаясь «со страданиями неотомщенными» (14; 223), смог побороть свободу и «сделал так для того, чтобы сделать людей счастливыми» (14; 229). (На связь инквизитора с «подпольем» указывает его собственное признание о том, что люди, «промучившись тысячу лет со своей башней (Вавилонской. – Ю. Р.)», «принесут свою свободу к ногам нашим» (14; 230–231) и «отыщут нас» «под землей, в катакомбах (курсив наш. – Ю. Р.)» (14; 230).) Эстетизация самоказни достигает наивысшего накала, когда инквизитор открыто объявляет о том, что, взяв в руки меч кесаря и отвергнув Христа, они пошли за Антихристом (14; 235) и «все будут счастливы», но только «управляющие ими» и «хранящие тайну» будут «несчастливы» (14; 236). Алеша камня на камне не оставляет от Ивановой эстетики, говоря, что за нею стоит «самое простое желание» власти и благ «безо всяких тайн и возвышенной грусти...», а также о том, что инквизитор «не верует в Бога», в чем и «весь его секрет» (14; 237–238);

– говоря о том, что «спокойствие и даже смерть человеку дороже свободного выбора в познании добра и зла» (14; 232), и о том, что «надо идти по указанию умного духа, страшного духа смерти и разрушения», «вести людей уже созна-

тельно к смерти и разрушению» (14; 238), Иван фактически констатирует «подпольность» своей духовной жизни. Алеша, безмерно сожалел об Ивановом неверии, «с чрезвычайно скорбью» горюет об «аде» («подполье») в его «груди и в голове» (14; 239).

Таким образом, в характере Ивана отображен полный спектр составляющих «подпольного» духовного движения: трагическое восприятие Божьего мира, бунт против него; противопоставление ему идеалов «прекрасного и высокого», то есть человекобожество; острое осознание собственного несоответствия возвышенному идеалу и потому – жестокая самоказнь; наконец, глубокое духовное отчуждение и следование «уже сознательно к смерти и разрушению».

Отметим также функциональную близость «Записок из подполья» и поэмы «Великий инквизитор»: обе задуманы как высказывание «богохульства» (15; 481). И если ответ на это в «Записках из подполья» уничтожили, по выражению Достоевского, «свиньи цензора» (5; 375), то ответом на поэму Ивана послужила следующая – шестая книга «Братьев Карамазовых» – «Русский инок» (15; 482). При этом сам Достоевский поочередно называл каждую из этих книг – «Про и contra», вмещающую поэму «Великий инквизитор», и «Русский инок» – «кульминационной» (30. 1; 66, 102) и относил к несомненным творческим удачам, по праву гордилась ими. Таким образом, была изображена не только одна, по выражению Достоевского, «подпольная нигилятина», но и «опровержение богохульства» (30. 1; 68, 66).

Отражение модели «подпольного» сознания и поведения в художественном мире Достоевского позволяет говорить о нем как о важнейшем факторе, оказавшем значительное влияние не только на формирование образной системы писателя в целом, но и на выражение центральной проблемы его творчества, состоящей, по мысли А. Бема, в «преодолении замкнутости личности через приобщение к живому потоку жизни» [3; 190].

Художественное воплощение Достоевским феномена «подполья» оказало большое влияние на дальнейшее развитие не только русской, но и мировой литературы. Повесть «Записки из подполья», как «пролог к литературе XX века» [4; 112], стала предтечей появления «подпольных» людей, нашедших свое отражение в творческом наследии Л. Андреева, А. Белого, А. Ремизова, Ж.-К. Гюисманса, А. Жида, У. Фолкнера, Р. Эллисона [4; 370] и многих других.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 16. Л.: Наука, 1976. С. 329–330. Далее тексты Ф. М. Достоевского цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы в круглых скобках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С. С. Архетипы // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. Т. 1: А–К. М., 1980. С. 110–111.
2. Бем А. Л. Достоевский – гениальный читатель // Вокруг Достоевского: В 2 т. Т. 1: О Достоевском: Сб. статей под ред. А. Л. Бема / Сост., вступ. ст. и коммент. М. Магидовой. М.: Русский путь, 2007. С. 206–218.

3. Бем А. Л. Достоевский: Психоаналитические этюды. Берлин, 1938. 192 с.
4. Гарин И. И. Многоликий Достоевский. М.: ТЕРРА, 1997. 396 с.
5. Гроссман Л. П. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 1963. 544 с.
6. Долинин А. С. Достоевский и Герцен (К изучению общественно-политических воззрений Достоевского) // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинина. Пб.: Мысль, 1922. С. 275–324.
7. Есаулов И. А. Пасхальный архетип в поэтике Достоевского // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. науч. тр. Вып. 2. Петрозаводск, 1998. С. 349–362.
8. Захаров В. Н. Православные аспекты этнопоэтики русской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. науч. тр. Вып. 2. Петрозаводск, 1998. С. 5–30.
9. Зябрева Г. А. Русский характер и русская революция. Логика взаимодействия // Русистика Украины. 2001. № 2. С. 43–57.
10. Лосский Н. О. О природе сатанинской (по Достоевскому) // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинина. Пб.: Мысль, 1922. С. 67–92.
11. Одинокое В. Г. Типология образов в художественной системе Ф. М. Достоевского. Новосибирск: Наука, 1981. 145 с.
12. Розанов В. В. Одна из замечательных идей Достоевского // Розанов В. В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 487–494.
13. Романов Ю. А. Комментарии к повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья»: Учебно-метод. пособие для студентов гуманитарного профиля. Харьков: НТУ «ХПИ», 2002. 56 с.
14. Шченников Г. К. Художественное мышление Ф. М. Достоевского. Свердловск, 1978. 176 с.
15. Юнг К. Г. Бог и бессознательное. М.: Олимп: ООО «Изд-во АСТ-ЛТД», 1998. 480 с.

Romanov Yu. A., National Technical University “Kharkov Polytechnic Institute” (Kharkov, Ukraine)

MATRIX OF “UNDERGROUND” IN CONCEPT OF LATE DOSTOEVSKY’S HEROES

This article focuses on the study of the archetypal character of “underground” man in Dostoevsky’s character system. The theory of archetypes by C. G. Jung and the attempts to construct Dostoevsky’s character typology in the Russian literary criticism are concerned. The model of “underground” consciousness and behavior, reflected in the protagonist of Dostoevsky’s “Notes from Underground”, together with its embodiment in the heroes of the writer’s “five great novels” are presented. Such components of the “underground” matrix as the God’s world denial, Man-god’s messianism, aesthetic self-torture, pursuit of “underground” peace are analyzed. Conclusions about the influence of the archetypal character of the “underground” man on the subsequent works not only of the Russian but also of the foreign classics are made.

Key words: Dostoevsky, archetype, C. G. Jung, model, matrix, “underground”, “Notes from Underground”, “five great novels”

REFERENCES

1. Averintsev S. S. Archetypes [Arkhetipy]. *Mify narodov mira: Entsiklopediya: V 2 t.* [Myths of Nations of the World. Encyclopedia: In 2 Vol.], Vol. 1: A–K. Moscow, 1980. P. 110–111.
2. Bem A. L. Dostoevsky – an ingenious reader [Dostoevskiy – genial’nyy chitatel’]. *Vokrug Dostoevskogo: V 2 t. T. 1: O Dostoevskom: Sb. statey pod red. A. L. Bema / Sost., vstup. st. i komment. M. Magidovoy* [Around Dostoevsky: In 2 Volumes. Vol. 1: About Dostoevsky: Collection of articles ed. by A. L. Bem. Compil., introd. and comment. by M. Magidova]. Moscow, 2007. P. 206–218.
3. Bem A. L. *Dostoevskiy: Psikoanaliticheskie etudy* [Dostoevsky: Psychoanalytical Studies]. Berlin, 1938. 192 p.
4. Garin I. I. *Mnogolikiy Dostoevskiy* [The Many Faces of Dostoevsky]. Moscow, TERRA Publ., 1997. 396 p.
5. Grossman L. P. *Dostoevskiy* [Dostoevsky]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1963. 544 p.
6. Dolinin A. S. Dostoevsky and Herzen (The study of the socio-political views of Dostoevsky) [Dostoevskiy i Gertsen (K izucheniyu obshchestvenno-politicheskikh vozzreniy Dostoevskogo)]. *F. M. Dostoevskiy. Stat’i i materialy / Pod red. A. S. Dolinina* [F. M. Dostoyevsky. Articles and materials. Ed. by A. S. Dolinin]. Petersburg, Mysl’ Publ., 1922. P. 275–324.
7. Esaulov I. A. Easter Archetype in Dostoevsky’s Poetics [Paskhal’nyy arkhetip v poetike Dostoevskogo]. *Evangel’skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr: Sb. nauch. trudov. Vyp. 2* [Gospel Text in the Russian Literature of XVIII–XX Centuries: Quote, Reminiscence Motif, Plot, Genre. Collection of scientific works. Issue 2]. Petrozavodsk, 1998. P. 349–362.
8. Zakharov V. N. Orthodox Aspects of Ethnopoetics of the Russian Literature [Pravoslavnye aspekty etnopoetiki russkoy literatury]. *Evangel’skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr: Sb. nauch. trudov. Vyp. 2* [Gospel Text in the Russian Literature of XVIII–XX Centuries: Quote, Reminiscence Motif, Plot, Genre. Collection of scientific works. Issue 2]. Petrozavodsk, 1998. P. 5–30.
9. Zya breva G. A. The Russian Character and the Russian Revolution. The Logic of Interaction [Russkiy kharakter i russkaya revolyutsiya. Logika vzaimodeystviya]. *Rusistika Ukrainy* [Russistics of Ukraine]. 2001. № 2. P. 43–57.
10. Losskiy N. O. On the Nature of Satan (According to Dostoevsky) [O prirode sataninskoy (po Dostoevskomu)]. *F. M. Dostoevskiy. Stat’i i materialy / Pod red. A. S. Dolinina* [F. M. Dostoyevsky. Articles and materials. Ed. by A. S. Dolinin]. Petersburg, Mysl’ Publ., 1922. P. 67–92.
11. Odinokov V. G. *Tipologiya obrazov v khudozhestvennoy sisteme F. M. Dostoevskogo* [The Typology of Characters in the Artistic System of F. M. Dostoyevsky]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1981. 145 p.
12. Rozanov V. V. One of the Great Ideas of Dostoevsky [Odnazamechatel’nykh idey Dostoevskogo]. *Rozanov V. V. Sbranie sochineniy. O pisatel’stve i pisatelyakh / Pod obshch. red. A. N. Nikol’yukina* [Rozanov V. V. Collected Works. About Writing and Writers. Gen. ed. by A. N. Nikol’yukin]. Moscow, Respublika Publ., 1995. P. 487–494.
13. Romanov Yu. A. *Kommentarii k povesti F. M. Dostoevskogo “Zapiski iz podpol’ya”: Uchebno-metod. posobie dlya studentov gumanitarnogo profilya* [The Comments on F.M. Dostoyevsky’s Novella “Notes From Underground”: Teaching Aid for the Humanities Students]. Kharkov, NTU “KhPI” Publ., 2002. 56 p.
14. Shchennikov G. K. *Khudozhestvennoe myshlenie F. M. Dostoevskogo* [F. M. Dostoyevsky’s Artistic Thinking]. Sverdlovsk, 1978. 176 p.
15. Yung K. G. *Bog i bessoznatel’noe* [God and the Unconscious]. Moscow, Olimp: “OOO AST-LTD” Publ., 1998. 480 p.

Поступила в редакцию 24.07.2014